

Станислав САХОНЧИК

Родился 1949 году в Кирове. Закончил медучилище, служил срочную фельдшером в войсках ПВО, после чего подался во Владивостокский мединститут, окончив который стал младшим научным сотрудником. Постепенно осознав свою неуместность в науке, поступил во вспомогательный флот, где провел 6 лет в качестве судового врача на танкерах 31-й бригады судов обеспечения ТОФ. Участник 4 боевых служб, разминирования Красного моря и 16-месячного рейса БТМ «Владимир Колечицкий». Ныне эксперт-эколог государственной экспертизы, проживает в г. Благовещенске Амурской области. Выпустил книгу рассказов «Белая бригада». Болен морской болезнью в неизлечимой форме.

ПОХОЖДЕНИЯ КАПИТАНА МИШЕЛЯ И ДРУГИХ ВОЕННЫХ...

Капитан медицинской службы Михаил Леонтьевич Криволап, начальник лазарета 441-го зенитно-ракетного полка, прибыв в полк из командировки с эшелоном призывников, неожиданно исчез из поля зрения начальства на трое суток. Так же неожиданно появившись, в весьма помятом виде и с солидных объемов «выхлопом», он со смиренным видом принял заслуженные «фитили» от начмеда и начальника штаба и приступил к своей обычной работе.

А вот свою-то повседневную работу brave капитан (по жизни любитель экстремальных развлечений и эпатажного поведения) не особенно жаловал, вполне справедливо считая ее скучной и рутинной, и при каждом удобном случае переваливая ее на нас — фельдшеров, солдат срочной службы. Но мы особенно не обижались — капитан Мишель (так все в нашем полку его звали, за глаза, конечно) был мужиком незаурядным, неисчерпаемым источником остроумия и экстравагантных поступков. Был в нем некий шарм, позволявший ему избегать серьезных последствий своих подвигов. Его широкая натура не вписывалась в жесткие рамки армейской гарнизонной службы, и начальство старалось его запихивать с глаз долой: то на целину, то на полигоны, то в сопровождение эшелонов, то в командировки по пограничным дивизионам... Мишель относился к категории «пятнадцатилетних капитанов», и командиры полка (а он пережил четверых) не раз представляли его то к званию майора, то грозились разжаловать до старшего лейтенанта — в зависимости от результатов его походов. Круче Мишеля был в этом деле только «старший лейтенант Советского Союза» запойный алкоголик Коля Лескин из седьмого дивизиона (тринадцать лет «старшелейтенантского» стажа!), отец которого закончил службу в Отечественную старшим лейтенантом, а дед в Первую мировую — поручиком.

Вообще-то, Михаил Леонтьевич был мужик весьма и весьма неглупый: в свое время он с отличием окончил морской факультет Военно-медицинской академии и был направлен начальником медслужбы на один из новых тогда черноморских эсминцев-«тридцаток-бис». Он был чемпионом ЧФ по легкой атлетике, активным комсомольцем и просто счастливым молодоженом. Но грянуло хрущевское сокращение, эсминец пошел на слом, а лейтенант Криволап был скоростаживно обут в сапоги и направлен вместе с рыдающей женой в зенитно-ракетные войска на Дальний Восток.

С тех пор Мишель тихо взбунтовался и возложил на службу приличных

размеров болт. В знак протеста против пехотного засилья он всегда носил тельняшку и повсеместно применял заковыристые морские словечки.

Впрочем, в части было много офицеров, переведенных в ЗРВ из флота и береговой артиллерии, и все они поголовно носили тельняшки и тихо тосковали по морю. Кипучая натура Мишеля могла бы полностью развернуться где-нибудь на войне, однако (к нашему счастью) войн поблизости не было. Он постоянно где-то разъезжал, но его редкие появления в части всегда сопровождались всякого рода событиями и приключениями. Вот лишь некоторые из историй его подвигов.

НА ПРИЕМЕ

Конец ноября, между сопок дует промозглый ветер с Японского моря. Холодно и сыро. Мы с капитаном сидим на приеме больных в полковом медпункте. Мишель, облаченный в белый халат, выглядит непривычно серьезным, кучерявая неуставная прическа задорно вылезает из-под колпака. Он задумчиво смотрит в окно на казарму, откуда должны появиться «больные и увечные воины», жаждущие сострадания и медицинской помощи. Неожиданно его взгляд оживляется — из казармы вывалила кучка солдат в шапках и одних гимнастерках и бодрой рысью, громыхая подковками по асфальту, шустро понеслась в сторону медпункта.

— Ага, поперли, с-симулянты хреновы! Вот смотри и учись, сейчас каждый из них будет жалобно кашлять и непременно прихрамывать на правую ногу. Это, брат, мое личное наблюдение на грани кандидатской диссертации. Я этих орлов насквозь вижу. Шоферня из автороты, мля, не желает в караул идти. Но пара человек, не больше, те точно больные. Ну-с, вот и поглядим, кто кого... Я им, мля, покажу, как старого военного доктора дурить! Сколько служу — ни хрена не меняется!

Входит бравый белобрысый сержант, дежурный по роте, с книгой записи больных под мышкой. Руку под козырек, лихо рапортует:

— Тащщ ктан! Больные в количестве восьми человек доставлены! Дежурный по роте сержант Теребилов!

— А ты, случайно, не армянин?

— Нет, русский, вятский! С Уржума я, деревня Теребиловка! А с чего это вы взяли, товарищ капитан, про армянина-то?

— Да, вишь, были у нас как-то в части несколько армян. Тер-Гукасян, Тер-Маркарян... Вот и ты тоже вроде как «Тер-», только не скажу какой! Ну ладно, давай своих доходяг...

Озадаченный сержант, оставив книгу, выходит.

Натужно кашляя в кулак и подволакивая правую ногу, заходит первый солдат, снимает гимнастерку. Капитан сует ему градусник и подчеркнuto внимательно слушает его фонендоскопом. Ничего, разумеется, не находит, температуры тоже нет.

— Ладно. Подожди в коридоре.

Солдат выходит, прихрамывая уже на левую ногу. Мишель радостно подмигивает — один симулянт есть!

Входит следующий — снова надсадный сухой кашель, жалобный вид по-

битой собаки и попеременная хромота на обе ноги. Мишель его прослушивает и простукивает:

— Ты чего это, братец, так странно ходишь? Задница болит, что ли?

— Дык это... тоже маленько побаливает.

— Так, значитца, приступообразный кашель, плохое самочувствие, боль в заднем проходе, опять же... Классический случай, коллеги! Все симптомы геморроидальной астмы налицо! Редкостная вещь в наших краях! Сам первый раз вижу. Стас (это уже мне), тащи сюда ректоскоп, глядеть в кишку будем.

Я вытаскиваю из шкафа устрашающего вида никелированную трубу ректоскопа (давно списанного и немного ржавого). Побледневший боец, оценив внушительный диаметр трубы и предстоящие приятные ощущения в заднице, испуганно спрашивает:

— А что это еще что такое? Зачем?

— Инструмент для чтения задних мыслей, мля, — злорадно говорит Мишель, с чувством хлопая резинкой перчаток. — Значит так, воин, спускай штаны, и ж... — на Полярную звезду.

— Солдат с истерическим воплем «Не надо!» вылетает в коридор.

— Вот видишь, и хромота сразу прошла, и кашля нет, — наставительно говорит мне Мишель, снимая резиновые перчатки, — а вот тебя бы он в два счета надурил. Зеленые вы еще...

Робко прихрамывая, входит Витька Ли — знакомый шофер с хлебовозки. Сачок еще тот, хотя и наполовину китаец! Но радикулит-то у него и правда есть. Витька, сощуриив хитрые узкие глаза, артистично войдя в образ страждущего, сразу начинает жаловаться на ангину, головные боли, спазмы в животе, ломоту в ногах и еще на кучу всяческих болячек. Мишель, подперев подбородок рукой, с выражением неискреннего сочувствия на лице рассеянно слушает, рисуя чертей на бланке рецепта.

— Слушай, Ли, как же ты в армию-то попал с такими болячками, ты же мне уже весь справочник врача рассказал, кроме гинекологии? Ты хоть ходить-то еще можешь?

— Могу!

— Ну так и пошел на х...! Будешь мне тут мозги засорять!

Ли пулей вылетает из кабинета.

Прошли еще несколько солдат — кто с фурункулом, кто с ангиной (его оформили в лазарет). Остальные понуро ждали в коридоре. Последний боец как-то робко пожаловался на головную боль.

— А это, братец, не ко мне, это к гинекологу, — наставительным тоном произнес капитан. — Головная боль — это, братец ты мой, женская болезнь, а у нормального советского солдата может только башка трещать или жбан раскалываться. Вот тебе таблетка аспирина, и гуляй.

Мишель, выйдя с сигаретой в коридор, дал указания Теребилову:

— Один в лазарет, двоим освобождение от нарядов и работ на трое суток, остальных признать годными к строевой без ограничений — и к старшине за нарядами да в караул.

Да еще, сжалившись, дал для караула пол-литровую банку «Гексавита» — ночью холодно, а съешь перед выходом на пост штук пять витаминок, и кожа начинает гореть от «никотинки», в аккурат на два часа хватает — старый солдатский приемчик.

Амбулаторный прием окончен, и Мишель с сознанием выполненного долга направляется в аптеку — «накатить спиртику» с последующим снятием пробы на полковой кухне и отдохновением в свободной палате до обеда. А перед сном почитать пару страничек из своего любимого «Декамерона», заботливо упакованного в обложку от «Устава внутренней службы ВС СССР» для пущей конспирации.

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ

Полковые офицеры-медики, наши отцы-командиры, были хорошими врачами и вполне нормальными мужиками. Хотя и весьма своеобразными.

Начмед, майор Кулешов, был в свое время сразу после института отловлен военкоматом где-то в подмосковной деревне, где он скрывался, и поставлен перед выбором — или немножко посидеть, или славно послужить. Как человек разумный, он выбрал второй вариант, и без особой охоты отправился на Дальний Восток, в захолустную Промысловку.

Человек невозмутимый и гуманный, он спокойно тянул служебную лямку, философски относясь ко всякого рода военным заморочкам. Своим беспрецедентным доверием он ставил нас, солдат-срочников, в такое положение, что подвести его было просто немыслимо. Даже спирт доверял. Мы порой добросовестно сидели в санчасти, имея на руках по дюжине увольнительных с печатями и подписями и с открытой датой. Уважали майора и не хотели подставлять. А после службы дружно шли поступать в мединститут, чтобы стать такими же врачами.

Капитан Мишель, по жизни «пофигист» и мастер эпатажного поведения, проявлял чудеса хладнокровия во время экстремальных ситуаций. Мы с ним однажды по уши в крови помогали мужикам, придавленным перевернувшимся трактором, и там я увидел его настоящее лицо. Полнейшее хладнокровие и четкие действия в условиях воплей и бабьих причитаний. Не смогли спасти только одного, с безнадежно раздавленным углом кабины горлом.

Однажды к нам на пополнение прибыл еще один оригинал. Врач-терапевт из солнечной Одессы Боря Зильберблум, кучерявый весельчак и умница, с наивными книжными представлениями о военной службе, был призван на два года и отправлен на аэродром ПВО Великая Кема на побережье. На аэродроме базировался полк безнадежно устаревших к тому времени истребителей МиГ-17, наспех переделанных в штурмовой вариант установкой НУРСов и бомбовыми подвесками. По замыслу наших стратегов весь этот хлам должен был (в случае предстоящей войны) раздолбать лихим штурмовым ударом ближайшие вражеские аэродромы, причем горячего на обратный путь заведомо было в обрез, а брони не было вовсе. Шансов вернуться после налета было бы немного. Поскольку в полку служили опытные пилоты, по каким-то причинам не попавшие в сверхзвуковую авиацию и прекрасно знавшие свои радужные перспективы, настроение у них было соответствующее.

Спирту в авиации всегда хватало, и народ пил, что называется, по-черному. Ранее не пивший Боря после месяца службы вперемежку с пьянками впал в жуткую депрессию, а после двух месяцев службы попытался повеситься в туалете офицерского общежития. Был вовремя снят с веревки, наспех приведен в порядок и срочно переведен к нам. От греха подальше.

С тех пор Боря возненавидел военную службу отчаянно и неистово. При

звуче зычных командных голосов полкового начальства его начинало просто трясти от злости. После окончания рабочего дня он переодевался в «гражданку» и немедленно сваливал из городка куда глаза глядят. Поскольку служить ему оставалось еще полтора года, Боря начал подумывать, как бы от службы удалиться. Добром — это вряд ли. Советская армия как-то очень неохотно расставалась с офицерскими кадрами, пусть даже и с безнадежными «пиджаками». Пить Боря уже физически не мог, второй раз повеситься уже как-то не хотелось. Оставалось придумать что-нибудь неординарное. И вот Боря явно по чьему-то наущению (не иначе как хитромудрого Мишеля) начал вести себя неадекватно (по тогдашним офицерским меркам, конечно). Взяв в библиотеке части не востребованный десятилетиями пожелтевший том «Капитала» Маркса, Боря демонстративно начал его активное изучение, периодически наведываясь в политотдел для консультаций с офицерами, причем отлавливал первого попавшегося и настойчиво требовал разъяснить ему непонятные политэкономические термины. Он так достал начальника политотдела, что тот, завидев идущего Борю в окно штаба, запирался в своем кабинете и шепотом матерился. А Борино заявление о вступлении в ряды КПСС с пафосными словами «очень хочу умереть коммунистом» прочно осело в его сейфе.

Поскольку параллельно с изучением «Капитала» Боря с демонстративным упоением читал и абсолютно неуместную в армии книгу «Двенадцать цезарей» Светония (постоянно таская ее с собой), полковое начальство начало прозревать, что лейтенант медслужбы Зильберблум ведет себя очень и очень странно. Вместо того чтобы в свободное от службы время, как все, пить водку и бегать по гарнизонным бабам, молодой офицер читает странные книжки и как-то странно выражается (в смысле, витиевато и без матов!).

Но окончательно командование прозрело, когда Боря в очередной приезд корпусного начальства попросил у «Левы-танка», глядя на него по-детски наивными карими глазами, разъяснить ему непонятные места ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм». Ошарашенный такой борзостью, Лева впал в ступор и начал заикаться. «Шибко умного» Борю шустро спровадили в госпиталь и через месяц тихонько комиссовали.

— Шиза косит наши ряды,— констатировал Мишель, глядя на радостного Борю, паковавшего чемоданы в офицерской общаге и щедро раздаривавшего предметы ненавистной военной амуниции.

— Кто бы сомневался,— хладнокровно сказал майор Кулешов. И оба понимающе ухмыльнулись.

Через месяц из солнечной Одессы пришло радостное письмо от Бори. Он намеревался жениться и продолжить врачебную карьеру в качестве микробиолога. С «шизой» (пусть и липовой) в терапевты не пускали, даже в Одессе-маме и даже по блату. А такой диагноз можно было снять только в институте Сербского в Москве, что и было успешно сделано через полгода.

Доктора тихо порадовались Бориному счастью и продолжили тянуть армейскую лямку дальше. На замену прислали еще одного лейтенанта — «двухгадючника», тот пил водку стаканами, открыто волочился за зубной врачихой и выражался, как биндюжник, — в общем, был, как все, нормальным молодым советским офицером.

А «Двенадцать цезарей» Боря оставил мне с дарственной надписью. Оси-

лить ее я так и не смог, вернее, не очень и хотел — побаивался. Как бы чего не вышло. Книга потом (через 10 лет) здорово пригодилась одному морскому офицеру, старлею Сане по кличке Румпель. Но это уже другая история.

ЛЮБОВНЫЕ СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ЛЕХИ

Леха Болтиков, рядовой автороты, был крепко сбитым, налитым, как ядреный гриб-боровик, парнем. На тугих щеках гулял румянец, карие глазки маслянисто поблескивали. Ростом, правда, Леха не удался — штык карабина, находившийся у солдата обычно на уровне пуговицы кармана гимнастерки, торчал у него на уровне ушей. Да и нос картошкой явно не относился к украшающим его лицо частям.

Но по части женской в роте он числился в «страдальцах», ибо бьющие через край гормоны толкали Леху на самые невероятные подвиги. Он возвращался из увольнений и «самоволок», еле волоча ноги.

Леха любил и страдал: он страстно любил женщин и страдал от их недостатка. Беда его была в том, что он, как все маленькие мужчины, любил очень крупных женщин — а вот они его, надо сказать, не очень жаловали.

На Лехину беду командир автороты, старший лейтенант Шаров, привез из родной сибирской деревни жену Машу — девушку выдающихся женских достоинств. В смысле габаритов. Мясо-молочной породы! Красавица Маша как будто сошла с плакатов про счастливую колхозную жизнь. Она с радостной белозубой улыбкой несла по гарнизону свой выдающийся бюст, плавно покачивая мощными бедрами, мимо обалдевших военных, провожавших ее плотоядными взорами и давившихся слюной. Ее пристроили работать на склад КЭЧ, после чего посещаемость невзрачного сарайчика с банками краски возросла в несколько раз.

Однажды Маша в легкомысленном ситцевом сарафанчике, облеплявшем все ее достоинства, проплывала белой лебедушкой мимо солдат автороты, стоявших с оружием перед построением на развод караула.

Остолбеневший Леха покрылся красными пятнами и замер, разинув рот — рядом с ним, обдавая теплым ароматом духов, проходил предмет его дерзновенных мечтаний и сладких утренних эротических сновидений. Этого он просто не мог вынести. Из вдруг ослабевших рук вывалился карабин и, лязгнув штыком, задребезжал по асфальту. Солдаты дружно заржали, а Маша, обернувшись, насмешливо улыбнулась. Раздосадованный Леха поднял карабин и неожиданно со всей дури ткнул штыком в колесо стоявшей рядом пожарной машины. Штык пробил шину насквозь, воздух со свистом вышел, и «пожарка» накренилась набок, погнув штык. Леху тут же сняли с караула, обматерили и с ходу определили на трое суток на полковую «губу» за порчу казенного имущества. Штык, правда, потом разогнули. Так он пострадал за любовь в первый раз.

Прошел месяц. Авторота находилась в карауле. Лехин пост был на складе химслужбы, который расположился у подножия сопки, совсем рядом с офицерскими домами, но немного выше их. Стемнело. В домах начал зажигаться свет, и Леха вдруг увидел в одном ближайшем окне с незакрытыми занавесками переодевающуюся Машу. Мелькающие пышные женские прелести буквально потрясли бедного солдата, мощный гормональный поток тестостерона ударил по мозгам. Леха взвыл и, с маху перескочив проволочное ограждение,

рванул с поста к офицерскому дому. Прислонив карабин к стене, он вскарабкался к открытой форточке кухни и попытался влезть в нее. Но зацепился ремнем с подсумками и завис, наполовину находясь в кухне, в то время как нижняя половина отчаянно болтала сапогами снаружи. Впоследствии злые языки из автороты утверждали, что Леха зацепился в форточке вовсе не ремнем, а одной из возбужденных частей тела.

Зашедшая на шум в кухне Маша, увидев в оконной форточке красную от натуги Лехину голову с выпученными глазами, на секунду опешила, а потом пронзительно завизжала. Прибежавшим соседям предстала живописная картина из свисающего из форточки бойца и визжащей в ультразвуковом диапазоне на весь городок полуодетой Маши. Общими усилиями соседей Леху выпихнули обратно, филейной частью прямо в объятия подбежавших караульных, которые и утащили его на гауптвахту. Рыдающую Машу соседи едва отпоили валерьянкой. Ротный был на выезде, а то бы Лехе несдобровать. Крутой был мужик ротный, да и кулак имел приличный.

Утром вся авторота была собрана на плацу перед штабом. Привели с «губы» Леху, поставили перед строем. Комполка зычным голосом произнес получасовую проникновенную речь, несколько малоинформативную и в печатном варианте состоявшую бы из одних предлогов и многоточий, поскольку имела своим содержанием простонародные описания мужских и женских гениталий, циничные способы их применения по отношению к Лехе и сложные речевые конструкции на базе слова «мать». Кроме того, красочному описанию подверглось и Лехино генеалогическое древо.

Суть речи вкратце сводилась к тому, что рядовой Болтиков (далее следовала его подробная служебно-политическая характеристика в сочных народных выражениях) возжелал супругу своего командира, что привело к оставлению вверенного ему поста, подрыву боеготовности части и войск противовоздушной обороны СССР в целом. А посему подобным типам место не в доблестном 441-м полку, а на гарнизонной гауптвахте, и лучше до конца службы безвылазно.

По шеренгам автороты пронесся вздох: на гарнизонной «губе» в Красных казармах в то время свирепствовал мичман по кличке Джага, именем которого пугали детей во всех военных городках. Его боялись даже офицеры, а на «губе» царил полный беспредел и тихий ужас.

Старшина роты с двумя солдатами затолкали понурого Леху в грузовик и повезли на Угловую. После гауптвахты Леху перевели в стройбат — от греха подальше. Так он пострадал за любовь во второй раз.

Через полгода я встретил Леху в госпитале, где он в дерматологическом отделении залечивал сугубо специфическую болезнь, полученную при тесном общении стройбатовцев с разбитными доярками подшефного колхоза. Тяга к крупным женщинам мясо-молочной породы опять его подвела.

Такая вот интересная была у Лехи любовь